

Житейская мелочь

Николай Ильич Беляев, петербургский домовладелец, бывающий часто на скачках, человек молодой, лет тридцати двух, упитанный, розовый, как-то под вечер зашел к госпоже Ирниной, Ольге Ивановне, с которой он жил, или, по его выражению, тянул скучный и длинный роман. И в самом деле, первые страницы этого романа, интересные и вдохновенные, давно уже были прочтены; теперь страницы тянулись и всё тянулись, не представляя ничего ни нового, ни интересного.

Не застав Ольги Ивановны дома, мой герой прилег в гостиной на кушетку и принялся ждать.

Добрый вечер, Николай Ильич! услышал он детский голос. Мама сейчас придет. Она пошла с Соней к портнихе.

В той же гостиной на диване лежал сын Ольги Ивановны Алеша, мальчик лет восьми, стройный, выхоленный, одетый по картинке в бархатную курточку и длинные черные чулки. Он лежал на атласной подушке и, очевидно, подражая акробату, которого недавно видел в цирке, задирает вверх то одну ногу, то другую. Когда утомлялись его изящные ноги, он пускал в ход руки или же порывисто вскакивал и становился на четвереньки, пытаясь стать вверх ногами. Всё это проделывал он с самым серьезным лицом, мученически пытаясь, точно и сам не рад был, что бог дал ему такое беспокойное тело.

А, здравствуй, мой друг! сказал Беляев. Это ты? А я тебя и не заметил. Мама здорова?

Алеша, взявшийся правой рукой за носок левой ноги и принявший самую неестественную позу, перевернулся, вскочил и выглянул из-за большого мохнатого абажура на Беляева.

Как вам сказать? сказал он и пожал плечами. Ведь мама в сущности никогда не бывает здорова. Она ведь женщина, а у женщин, Николай Ильич, всегда что-нибудь болит.

Беляев от нечего делать стал рассматривать лицо Алеши. Раньше он во всё время, пока был знаком с Ольгой Ивановной, ни разу не обратил внимания на мальчика и совершенно не замечал его существования: торчит перед глазами мальчик, а к чему он тут, какую роль играет и думать об этом как-то не хочется.

В вечерних сумерках лицо Алеши с его бледным лбом и черными немигающими глазами неожиданно напомнило Беляеву Ольгу Ивановну, какую она была на первых страницах романа. И ему захотелось приласкать мальчика.

Поди-ка сюда, клоп! сказал он. Дай-ка я на тебя поближе погляжу.

Мальчик прыгнул с дивана и подбежал к Беляеву.

Ну? начал Николай Ильич, кладя руку на его тощее плечо. Что? Живешь?

Как вам сказать? Прежде жилось гораздо лучше.

Почему?

Очень просто! Прежде мы с Соней занимались только музыкой и чтением, а теперь нам французские стихи задают. А вы недавно стриглись!

Да, недавно.

То-то я замечаю. У вас бородка стала короче. Позвольте мне за нее потрогать... Не больно?

Нет, не больно.

Отчего это, когда за один волосок тянешь, то больно, а когда тянешь за много волос, то ни капельки не больно? Ха, ха! А знаете, вы напрасно бакенов не носите. Тут вот пробрить, а с боков... вот тут вот оставить волосы...

Мальчик прижался к Беляеву и стал играть его цепочкой.

Когда я поступлю в гимназию, говорил он, мама мне купит часы. Я ее попрошу, чтобы она мне такую же цепочку купила... Ка-кой ме-даль-он! У папы точно такой же медальон, только у вас тут полосочки, а у него буквы... В середине у него портрет мамы. У папы теперь другая цепочка, не кольцами, а лентой...

Откуда ты знаешь? Разве ты выдаешь папу?

Я? Мм... нет! Я...

Алеша покраснел и в сильном смущении, уличенный во лжи, стал усердно царапать ногтем медальон. Беляев пристально поглядел ему в лицо и спросил: Видаешь папу?

Н...нет!..

Нет, ты откровенно, по совести... По лицу ведь вижу, что говоришь неправду.

Коли проболтался, так нечего уж тут вилять. Говори, выдаешь? Ну, по-дружески!

Алеша задумался.

А вы не скажете маме? спросил он.

Ну вот еще!

Честное слово?

Честное слово.

Побожитесь!

Ах, несносный какой! За кого ты меня принимаешь!

Алеша оглянулся, сделал большие глаза и зашептал:

Только, ради бога, не говорите маме... Вообще никому не говорите, потому что тут секрет. Не дай бог, узнает мама, то достанется и мне, и Соне, и Пелагее...

Ну, слушайте. С папой я и Соня видимся каждый вторник и пятницу. Когда Пелагея водит нас перед обедом гулять, то мы заходим в кондитерскую Апфеля, а там уж нас ждет папа... Он всегда в отдельной комнатке сидит, где, знаете, этакий мраморный стол и пепельница в виде гуся без спины...

Что же вы там делаете?

Ничего! Сначала здороваемся, потом все садимся за столик и папа начинает угощать нас кофеем и пирожками. Соня, знаете, ест пирожки с мясом, а я терпеть не могу с мясом! Я люблю с капустой и с яйцами. Мы так наедаемся, что потом за обедом, чтобы мама не заметила, мы стараемся есть как можно больше.

О чем же вы там говорите?

С папой? Обо всем. Он нас целует, обнимает, рассказывает разные смешные остроты. Знаете, он говорит, что когда мы вырастем, то он возьмет нас к себе жить. Соня не хочет, а я согласен. Конечно, без мамы будет скучно, но я ведь буду ей письма писать! Странное дело, можно будет даже по праздникам к ней с визитом приходить не правда ли? Еще папа говорит, что он мне лошадь купит. Добрейший человек! Я не знаю, зачем это мама не позовет его к себе жить и запрещает нам видаться с ним. Ведь он очень любит маму. Всегда он нас спрашивает, как ее здоровье, что она делает. Когда она была больна, то он схватил себя за голову вот этак и... и всё бегают, бегают. Всё просит нас, чтоб мы слушались ее и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

Гм... Почему же?

Это папа говорит. Вы, говорит, несчастные дети. Даже слушать его странно. Вы, говорит, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говорит, богу и за себя и за нее.

Алеша остановил свой взгляд на чучеле птицы и задумался.

Так-с... промышчал Беляев. Так вот вы, значит, как. В кондитерских конгрессы сочиняете. И мама не знает?

Не-ет... Откуда же ей знать? Пелагея ведь ни за что не скажет. А позавчера папа нас грушами угощал. Сладкие, как варенье! Я две съел.

Гм... Ну, а того... послушай, про меня папа ничего не говорит?

Про вас? Как вам сказать?

Алеша пытливо поглядел в лицо Беляева и пожал плечами.

Особенного ничего не говорит.

Примерно, что говорит?

А вы не обидитесь?

Ну, вот еще! Разве он меня бранит?

Он не бранит, но, знаете ли... сердится на вас. Он говорит, что через вас мама несчастна и что вы... погубили маму. Ведь он какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а он только

головой качает.

Так-таки и говорит, что я ее погубил?

Да. Вы не обижайтесь, Николай Ильич!

Беляев поднялся, постоял и заходил по гостиной.

Это и странно и... смешно! забормотал он, пожимая плечами и насмешливо улыбаясь. Сам кругом виноват, и я же погубил, а? Скажите, какой невинный барашек. Так-таки он тебе и говорил, что я погубил твою мать?

Да, но... ведь вы же сказали, что не будете обижаться!

Я не обижаюсь и... и не твое дело! Нет, это... это даже смешно! Я попал, как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым!

Послышался звонок. Мальчик рванулся с места и выбежал вон. Через минуту в гостиную вошла дама с маленькой девочкой это была Ольга Ивановна, мать Алеша. За нею вприпрыжку, громко напевая и болтая руками, следовал Алеша. Беляев кивнул головой и продолжал ходить.

Конечно, кого же теперь обвинять, как не меня? бормотал он, фыркая. Он прав! Он оскорбленный муж!

О чем ты это? спросила Ольга Ивановна.

О чем?.. А вот послушай-ка, какие штуки проповедует твой благоверный! Оказывается, что я подлец и злодей, я погубил и тебя и детей. Все вы несчастные, и один только я ужасно счастлив! Ужасно, ужасно счастлив! Я не понимаю, Николай! Что такое?

А вот послушай сего юного сеньора! сказал Беляев и указал на Алешу. Алеша покраснел, потом вдруг побледнел, и всё лицо его перекосило от испуга.

Николай Ильич! громко прошептал он. Тссс!

Ольга Ивановна удивленно поглядела на Алешу, на Беляева, потом опять на Алешу.

Спроси-ка! продолжал Беляев. Твоя Пелагея, этакая дура набитая, водит их по кондитерским и устраивает там свидания с папашенькой. Но не в этом дело, дело в том, что папашенька страдалец, а я злодей, я негодяй, разбивший вам обоим жизнь...

Николай Ильич! простонал Алеша. Ведь вы дали честное слово!

Э, отстань! махнул рукой Беляев. Тут поважнее всяких честных слов. Меня лицемерие возмущает, ложь!

Не понимаю! проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестели у нее на глазах. Послушай, Лелька, обратилась она к сыну, ты выдаешься с отцом? Алеша не слышал ее и с ужасом глядел на Беляева.

Не может быть! сказала мать. Пойду допрошу Пелагею.

Ольга Ивановна вышла.

Послушайте, ведь вы честное слово дали! проговорил Алеша, дрожа всем

телом.

Беляев махнул на него рукой и продолжал ходить. Он был погружен в свою обиду и уже по-прежнему не замечал присутствия мальчика. Ему, большому и серьезному человеку, было совсем не до мальчиков. А Алеша уселся в угол и с ужасом рассказывал Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете, кроме сладких груш, пирожков и дорогих часов, существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке.